

«ПО СЕМЬЯМ БИЛИ ПОХОРОНКИ...»

Елена Станиславовна Наумова родилась в посёлке Вахруши Слободского района Кировской области. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (семинар Владимира Кострова). Автор более 20 книг стихов и прозы, член Союза писателей России. Победитель международных и российских конкурсов «Золотое перо», лауреат литературной премии имени Н. Заболоцкого (2006), победитель межрегионального фестиваля документального кино и литературы «Солдаты Отечества» имени Григория Булатова (2015), лауреат Премии Кировской области в области литературы и искусства (2016), Российской литературной премии имени Александра Грина (2022). Живёт в Вятке (г. Киров).

*Памяти мамы моей,
Майи Андреевны Наумовой —
участницы Великой Отечественной
войны*

I

По семьям били похоронки,
Когда за братьев и отцов
Вставали яростно девчонки,
Перехитрив военспецов.
И снились срезанные косы,
И пахла порохом земля,
И жизнь стояла под вопросом
Не раз

и мамы,

и моя.

II

А свет прожекторов
скользил по небу.

Искал,

касясь звёздной высоты.

И находил,

как призрачную небыль,

На самолётах

чёрные кресты.

Он ослеплял внезапно
самых прытких,
Как будто
злому вору по рукам
Давал,
и били яростно зенитки
По ненавистным
чёрным паукам.
Бойцы
в минуты редкие покоя,
Считая сбитых,
грелись у огня.
И мама,
засыпая после боя,
Была моложе
нынешней меня.

III

У мамы пропала шинель.
Она её с фронта хранила.
Зимой это, помнится, было —
За окнами выла метель,

Когда кто-то старую дверь
В чулане открыл среди ночи.
Замок оказался непрочным —
У мамы пропала шинель.

О том, что прихвачен портфель,
Гитара и плащ из болоньи, —
Об этом никто и не вспомнил.
У мамы пропала шинель.

IV

ПИСЬМО С ПОЛУОСТРОВА ХАНКО

*Посвящается моему дяде
Виктору Андреевичу Ермакову,
лётчику-истребителю,
погибшему в первые дни войны*

«Здравствуй, мама!
Как ты там, родная?
Как Андрей,
братишка мой, живёт?
Здесь у нас теплынь стоит
такая —
Море в двух шагах!
Сплошной курорт!
Пусть Андрюха физику подучит,
А потом мечтает в облака.
Мама, ты же знаешь, я везучий,
Ни одной царапины пока».

Но стучалась с плачем
почтальонка
И кляла судьбу в тот страшный
год...
Баба Анна вместе с похоронкой
Стёртый треугольник бережёт.
Сядет у окна, обнимет внучку
И глядит с тоской на облака.
И опять читает:
«...я везучий,
Ни одной царапины пока».

V

СЕРГУХА

Война Сергухиного деда
Настигла в нынешние дни.
Он умер в праздник,
в День Победы,
От старых ран в кругу родни.
Больней всех чувствовал разлуку
Сергуха, внучек, егоза...
Оставил дед в наследство внуку
Характер, имя и глаза.
И плакал маленький Сергуха
На зеленеющей траве,
Но гладить жалостным старухам
Не дал себя по голове.

VI

НЕВЕСТА

У неё и муж, и дети,
Да уже и внуки есть.
Но она войне и смерти
Всё ж назло бывает здесь.
Посидит на прежнем месте
В комнатухе на двоих.
Улыбается невесте
С фотографии жених.
Боль сильнее сердце точит.
Седина виски прожгла.
...Мать-старуха всё хлопочет:
— Ох, невестушка пришла.

VII

ТЁТЯ ЛУША

Бабья дружба —
сплетни на досуге.
Только я о дружбе не такой.
Встретятся две близкие подруги,
Нет больнее темы фронтовой.
Мама тихо скажет:
— Ну, Лукерья,
За девчонок наших боевых!..
Вспомнит тётя Луша:
— И потери,
И воспоминанья — на двоих...
Помолчат о прожитом,
сорвутся
И по-бабьи горестно всплакнут.
Малыши за стенкою проснуты
И на миг беседу оборвут.
— Внуки, — скажет мама,
улыбнувшись,
И глаза поспешно отведёт.
Нет своих детей у тёти Луши —
В сорок третьем ранило в живот.

VIII

Старуха у военкомата
На молодых глядит ребят.
Уходят мальчишки в солдаты,
Как много лет тому назад.
Безусые мелькают лица.
Она всё ждёт, хоть вышел срок.
Ей каждый в правнуки годится.
Она же каждому:
— Сынок...

IX

Раны занюют под утро.
Не спится.
Рано поднимется старей солдат.
Встанет, закурит и выглянет
в сад.
Хлебом покормит весёлую
птицу.
Резвая птаха вспорхнёт со двора
И затеряется в зелени сада.
Дед позабудет, что было вчера,
Ясно припомнит, что было
когда-то...
Тихо присядет потом у стола
Перебирать пожелтевшие снимки
Тех, кто ходили со смертью
в обнимку.
Тех, кого смерть молодыми
взяла.
Вынесет после пшено и ячмень.
Снова покормит весёлую птицу.
Тихо у ног его день притулится.
Подвиг не подвиг,
но прожитый день.

Х

КАЧЕЛИ

Сад. Огромные качели.
Дед Егорыч без руки.
Нетерпением горели
Мы, считая медяки.
Отплывали: трали-вали...
Раскачались — будь здоров!
Так взмывали, так взмывали,
Аж до самых облаков!
Был на небе, на земле ли
Дед с билетами в руке.
И от радости звенели
Ордена на пиджаке.

ХІ

БОЛЬШАЯ СТИРКА

Стирку бабушка устроила.
Спозаранок на ногах.
Первым делом приготовила
Стопку дедовых рубах.
Сохнет с бабкиными метками
Довоенное бельё...
Как железными прищепками
Сердце стиснуто моё.

ХІІ

СТАРИК

За тихим посёлком, где ветер
Порою и волен, и дик,
Сутулясь, шагает под вечер
По тропочке узкой старик.
Идёт напрямик через поле,
Минует и рощу, и ров...

А там уж полмили, не боле,
До звёздных солдатских холмов.
На камень присядет устало,
Тяжёлые веки сомкнёт,
И время вернуться заставит,
И старых друзей позовёт.
Запахнет огнём, и селитрой,
И дымом, как в давнем бою...
Докурит до самого фильтра
Старик сигарету свою.
Но ветер толкнёт его в спину,
И вздрогнет, и встанет старик.
Домой через поле-долину,
Сквозь рощу и лес — напрямик.
Хоть, кажется, путь и недолог,
Тяжёл его взгляд и суров...
Но вскоре меж сосен и ёлок
Покажутся крыши домов.
Навстречу рванётся посёлок.
Старик потеплеет душой.
И вспомнит, что острый осколок
До сердца ещё не дошёл.

ХІІІ

ЗА ТО, ЧТО БЫЛ ПЕРВЫМ

*В день открытия памятника
Григорию Булатову, герою-земля-
ку, который одним из первых
(а возможно, и самый первый)
водрузил Знамя Победы
над рейхстагом в 1945 году*

Григорий Булатов,
Григорий Булатов...
Он был как мозоль, как ожог,
как заплата.
Его, без сомненья,
в «шестую палату» —
В психушку, в тюрьму,
чтоб не пил и не плакал.

За что?
Да за то, что мальчишкой
крылатым
Взлетел он тогда на рейхстаг
в 45-м.
И Знамя Победы
(не дрогнули нервы!)
Навеки воздвигнул.
За то, что был первым!

А первых у нас никогда
не любили.
Их судьбы ломали,
их семьи гнобили.
Начальство, шагая вдоль
серого строя,
Послушных
своих назначало в герои.

А он, знаменосец,
стал лишним, преградой —
Шпаной, уголовником,
Гришкой-рейхстагом.

...Но век за спиною,
как тьма за стеною.
Вернулся Григорий
однажды весною.

В граните вернулся мальчишка
крылатый,
Который взлетел над рейхстагом
когда-то.

И шли к нему люди
всё снова и снова.
И был этот день —
Воскресенье Христово.

